

Николай Митрохин

Ольга Герасимова. «Оттепель», «заморозки» и студенты Московского университета. М.: АИРО–XX век, 2015. 608 с. ISBN 978-5-91022-310-7.

Николай Митрохин – кандидат исторических наук, ассоциированный научный сотрудник Центра исследований Восточной Европы при Бременском университете. Адрес для переписки: Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen, Klagenfurter Straße 3, 28359 Bremen, Germany mitrokhin@uni-bremen.de.

Давно ожидавшаяся специалистами работа Ольги Герасимовой тематически хорошо вписывается в «линейку» опубликованных в течение 2010-х годов исследований о советской молодежи и молодежных протестах эпохи оттепели (Волчеквич 2009; Костырченко 2012; Мазус 2014; Митрохин 2015; Fürst 2010; Hornsby 2013; Jones 2013; Roth-Ey 2010; Tromly 2013; Tsipursky 2016). Некоторые из них написаны молодыми аспирантами, другие являются продолжением группы работ 1990-х – начала 2000-х годов, описывающих молодежную и университетскую среду позднесталинского и хрущевского времени (Зезина 1999; Каримов 2004; Козлов 1999; Козлов, Мироненко 2005; Силина 2004; Митрохин 1997, 2003; Рот-Ай 2004; Эггелинг 1999; Edele 2002; Fürst 2006a, 2006b, 2006c; Roth-Ey 2004; Stephan 2005; Zubok 2009). Самой известной из них стала книга Елены Зубковой, первое издание которой было опубликовано еще в 1993 году (Зубкова 1993). Очевидное влияние этой работы, сочетавшей наличие значительного количества новых деталей и фактов с эклектичностью изложения, испытала и автор рецензируемой книги (с. 14–15). На деле вся эта пирамида исследований в значительной мере держится на самоописаниях протестной среды предпринятых группой советских (точнее – «антисоветских») авторов, историков и культурологов в конце 1970-х – 1980-е годы (Алексеева 1984; Вайль, Генис 1988; Глезер 1994; Рождественский 1982; Сойфер 1993).

Что нового могла рассказать Герасимова в такой ситуации? Ее авторская концепция интересна тем, что она попыталась собрать в рамках одной книги всю информацию, касающуюся влияния «политического климата» в СССР периода 1953–1969 годов на студенчество Московского университета:

На 1 сентября 1953 г. в МГУ насчитывалось более 16 тыс. студентов дневного, вечернего и заочного обучения, в 1953/1954 учебном году из общего числа студентов высших учебных заведений – 1562,0 тыс. человек – доля студентов МГУ составляла 1%. В 1953/1954 учебном году примерно каждый седьмой студент и каждый десятый аспирант из общего числа студентов и аспирантов, обучавшихся в советских университетах, являлся питомцем МГУ (с. 9).

Описаний различных общественно-политических и культурных событий, связанных с МГУ, с изложением ситуаций на различных его факультетах за последние два с половиной десятилетия накопилось много. Некоторые из них сделаны весь-

ма детально и качественно. Однако, как правило, они опубликованы в научной «серой зоне» – в изданиях или на ресурсах, которые «мейнстрим» исторической науки не читает. Среди них есть, например, многочисленные мемориальные сборники, посвященные факультетам или конкретным преподавателям, или специализированные издания представителей естественнонаучных дисциплин. Сведение всей подобной информации «под одну обложку», ее критический анализ и сравнение с другими источниками – важное и нужное дело.

Однако Герасимова не ограничивалась этой задачей, что делает ей честь, особенно в сравнении со многими другими авторами, строящими свою книгу на основе одного выбранного ими архивного фонда, – она искала и находила другие источники информации. Перечислим в порядке частоты использования: это «ведомственная» печать эпохи оттепели (то есть многотиражные издания МГУ), материалы государственных и личных архивов, устные интервью, мемуары.

Получившаяся книга состоит из следующих глав, которые было бы логично назвать частями. В первую их них «Общественно-политическая жизнь студенчества МГУ» вошел набор различных историй, связанных со студенческими протестами, и крупных разбирательств с политическими обвинениями на различных факультетах: физическом (борьба группировок физиков за руководство факультетом), биологическом («дело сестер Ляпуновых», организовавших дома кружок генетики), журналистики («дело Дедкова»), историческом (в основном широко известное «дело Краснопевцева»), юридическом (бойкот грязных и дорогих столовых), филологическом (группа «Sensus»), геологическом (публичный конфликт студентов с министром). Большая часть этих историй никогда не рассматривалась «мейнстримными» историками, несмотря на то, что некоторые из них были известны в соответствующих профессиональных сферах.

Вторая глава посвящена кампании по освоению целины и студенческим строительным отрядам (ССО). Материал для исследований этой темы в МГУ весьма благоприятный, поскольку именно студенты физического факультета МГУ стали основоположниками ССО.

Третья глава отведена под описание публичных дискуссий, преимущественно на темы литературы и изобразительного искусства, а также рассказа о стенгазетах и различного рода кружках как форме репрезентации надежд и взглядов студенчества.

Четвертая глава описывает в основном различные формы художественной самодеятельности, прежде всего – студенческие театры и фестивали, и в существенно меньшей степени – бардовское движение. Она могла бы успешно корреспондировать с имеющейся по этой теме дискуссией о культурной мифологии «шестидесятников» (см., например: Васильева 2013; Lipovetsky 2013), но избегает этих параллелей.

Все эти описания сами по себе, безусловно, полезны, поскольку позволяют специалисту окунуться в пласт сюжетов, которые, вполне возможно, прошли мимо его внимания. Однако весьма сомнительно, что книга является открытием, как на том настаивает автор послесловия Дмитрий Андреев (с. 488–490), или хотя бы актуальным и добросовестным научным продуктом.

Основная задача любой научной работы – добавить нечто новое в сумму научных знаний, положить свой кусочек пазла в общую картину или предложить новую схему размещения этих кусочков, которые могли бы демонстрировать новую, интересную и убедительную картинку. Для того чтобы сделать это, автор должен хорошо ориентироваться в работах, написанных по той же или смежным темам, а также обладать определенной интеллектуальной честностью, которая не позволяла бы ему заметать под ковер неудобные факты и мнения. К сожалению, работа Герасимовой нарушает оба этих принципа.

В ее книге мы видим перед собой очень странный по стилю изложения концепт первичных источников, сгруппированных в хронологическом порядке с очень условным разнесением по четырем тематическим блокам. Автор даже не пытается встроить свое повествование в какой-либо научный контекст. Неизбежный для любой научной работы обзор литературы предшественников она превращает в повод желчно и мелочно прокомментировать часть публикаций, которые, по всей видимости, ей не угодили по идеологическому принципу:

Вероятно, никакого общения с Родиной у Дольберга (Бурга) не было, отсюда вытекает и приводимая им неверная дата бойкота студенческой столовой – 1958 г. Москвич А. Дольберг не располагал точными сведениями о событиях, происходивших в общежитии в мае 1956 г. Перебежчику-филологу необходимо было зарабатывать себе на жизнь в ФРГ, а для эмигрантов из СССР возможности были ограниченными, существовал один «верный» путь – вести разоблачение советского образа жизни в прессе и на радио. Этим же путем впоследствии последовали и другие эмигранты. Например, выпускник физфака 1967 г. Д. Михеев, консультировавший в качестве сотрудника Гудзоновского института сотрудников администрации Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего (с. 17–18).

Или:

название работы этого автора – «Партийно-комсомольские преследования по политическим мотивам в период ранней “оттепели”» – имеет несколько тенденциозный характер и отражает в определенной степени специфику работ правозащитного центра «Мемориал», в которых преобладает политический, а не академический подход (с. 19).

При этом десятки работ, прежде всего, иностранных авторов, Герасимовой игнорируются. Трудно сказать, по незнанию или по сознательному выбору – автор выражает благодарность библиотеке НИПЦ «Мемориал», где многие из забытых ей изданий стояли на полках в небольшой комнате. Например, из авторов, писавших на русском языке, Герасимову не заинтересовала базовая для изучения истории общественных протестов в СССР работа бывшей студентки истфака МГУ Людмилы Алексеевой «История инакомыслия» (Алексеева 1984), или ключевая монография по социологии и динамике протестов в СССР «Массовые беспорядки» (Козлов 1999). Первопроходческая работа Петра Вайля и Александра Гениса (Вайль, Генис 1988), осмысляющая «дух и время» 1960-х годов, упоминается ей

мимоходом единожды и без ссылок на конкретные страницы. Описывая на протяжении нескольких страниц формирующуюся вторую (контр)культуру 1960-х, Герасимова использует лишь одну научную работу 1991 года издания. Внимание Герасимовой не привлек ни один из авторов, пишущих на европейских языках (хотя, согласно списку литературы, она использовала источники на английском, немецком и французском), кроме проходившего стажировку в МГУ Мишеля Тату, выпустивший свою обзорную монографию о СССР аж в 1966 году.

И даже на этом фоне вызывает удивление, что Герасимова практически полностью проигнорировала всю послевоенную (то есть 1945–1953 годы) историю «общественно-политической» и «культурной» жизни МГУ, которая описана, опять же, в десятках публикаций (например, в систематически занимавшихся данной темой в 1990–2000-е годы журналах «Вопросы истории» и «Вопросы философии»). Введение в тему и в исторический период у автора монографии отсутствуют полностью. Лишь в первых двух разделах первой главы можно найти упоминания об идейно-политическом и организационных конфликтах предыдущей эпохи, но этим дело и ограничивается. Автор умудряется проигнорировать даже кандидатскую диссертацию своей коллеги по факультету и соавтора по одному из факультетских сборников Елены Ягодкиной, защищенную в 2009 году, которая непосредственно касается ее собственной работы, – «Студенчество исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (1943–1953 гг.): источниковедческое исследование».

Между тем Ягодкина в своей диссертации как раз и пыталась на систематической основе (хотя и сильно романтизируя) описать то, с чем боролись студенты во времена оттепели – давящую систему воспитания и идеологических накачек, принудительного взаимоконтроля, партийных и комсомольских институций, готовых отправить сомнительных с их точки зрения студентов в лагерь. Для Герасимовой никакой социальной системы или социальной структуры в МГУ не существует, как не существует никаких длительных личных форм социального взаимодействия, никакого влияния внешних социальных групп на студенческую и преподавательскую среду. Согласно ее тексту, из однородной массы студентов (автор то однозначно отказывается оценивать их социальное происхождение, то вдруг в финальных выводах хочет о нем поговорить) нежданно-негаданно появляется студент А. или аспирант Б. или, куда реже, преподаватель С., которые пишут листовку или выступают на собрании, а потом, получив реакцию партийных, комсомольских органов или ректората, исчезают в водовороте событий. Иногда, впрочем, они же появляются в другом сюжете вновь, но автор, как правило, не выстраивает связи с предыдущим упоминанием о них. Например, это касается неоднократно упоминаемого в тексте столь знаменитого преподавателя МГУ, как Виктор Дувакин.

Даже описание автором сюжета локального взаимодействия персонажей, иногда на разных уровнях иерархии, не подталкивает Герасимову к мысли о возможном существовании каких-то стабильных факультетских или, быть может, межфакультетских неформальных структур, занятых отстаиванием тех или иных позиций – хотя многие цитируемые ею источники прямо говорят об этом. Например, в самом начале работы она пишет о том, что известная прогрессивная журналист-

ка Фрида Вигдорова в середине 1950-х годов активно участвовала в отстаивании прав студентов, в частности – студентов физфака МГУ. Почему при этом Герасимова, цитируя источник (Сойфер 2002), отказывается замечать содержащийся в нем подробный рассказ о том, что Вигдорова пыталась ни много ни мало заменить консервативного декана физфака МГУ на прогрессивного, – непонятно.

То же самое касается официальных общественных структур в МГУ – партийных, комсомольских, профсоюзных. Как была устроена эта система, как она менялась в период оттепели, какие дискуссии велись в этих органах в «рабочем порядке», как менялась повестка дня в процессе глубоких политических и культурных реформ в стране, кто там был весомой фигурой, а кто проходной и скандальной – об этом из книги узнать невозможно, во всяком случае, систематического разбора этих проблем в книге нет.

Но если такого рода структуры не замечаются, может быть, принципиально, то автор лишается возможности говорить об их социальных, общественно-политических, культурных, экономических и в конце концов научных интересах и приоритетах.

Другой особенностью работы Герасимовой является старательное избегание практически любых упоминаний о еврейской тематике. Кампания по борьбе с космополитами упоминается в шестисотстраничном тексте два раза, слово «антисемит» и однокоренные (ни разу – «еврей») – один раз, когда приходится упомянуть о деле ЕАК. Слово из этой смысловой группы употребляется еще лишь один раз, когда речь идет о запрете спектакля по дневнику Анны Франк; автор упоминает об отсутствии «сионистских намерений» у режиссера (с. 432). Возможно, это было неважно для МГУ времен «оттепели»? Нет, посвящая очень много места пересказу источников, Герасимова старательно исключает из них все упоминания о еврейской проблематике. Например, в первом же разделе, говоря о конфликте на физическом факультете между его руководством и академической школой Леонида Мандельштама, добившейся в середине 1950-х годов переформатирования факультета, она тщательно избегает любых указаний на то, что конфликт имел и этническую подоплеку.

Так, одобрительно и активно цитируя мемуарное интервью вовлеченного в конфликт бывшего секретаря комсомольского бюро Вячеслава Письменного, она перечисляет все его аргументы и сюжеты, кроме двух – упоминания противников «прогрессистов» о том, что родственник академика Игоря Тамма был коллаборационистом и цитируемой ниже весьма существенной истории, связанной с контр-инициативой «консерваторов»:

Так вот, в обвинении было главное, что мы марионетки – сионистские марионетки. Это было главное обвинение, со стороны руководителей факультета и Университета. Так вот, на этом парткоме досталось бедному Карасику за то, что он, нелегально – было сказано, водил по Университету Ландау и Лифшица, которые, таким образом, как доказано, и руководили через него всеми нами и внушали все эти идеи... На этом парткоме МГУ нам объясняли, что мы идем по пути..., что мы были троцкистами времен ленинградской оппозиции. Вот комсомол ленинградский в то время поддерживал Зиновьева и Каменева, и мы

делаем то же самое. Других штампов придумать не могли. [...] Так он [противостоящий рассказчику и его коллегам проректор], когда второе заседание было, через неделю, так говорил на конференции: «Я с вами полностью согласен. Плохой декан? Снимем декана». Декан сидит здесь же. Известный ученый был, профессор Соколов, и в физике он отметился очень прилично, заведующий кафедрой теорфизики. «Плохой проректор? Снимем проректора, – по груди себя бьет. – Но зачем в ЦК писать?» Потом, когда мы написали все-таки письмо, они сочинили контрписьмо и стали ходить по общежитию и собирать подписи студентов под этим письмом. Это было что-то дикое. Там было написано так: «Мы, дети рабочих и крестьян, не хотим, чтобы в Университете учились одни...», – ну, там слово такое, совершенно антисемитское, – «и мы просим Вас не допустить...», – и прочее и прочее. А дальше, я вам честно скажу, что было сделано – ребята им устроили темную, причем такую темную, что они даже жаловаться не решились. Их письмо не состоялось (Письменный 2007).

То есть политико-этнический конфликт на физфаке доходил до физических столкновений, но рассказать об этом Герасимова не пожелала. Полностью игнорируется эта тема и применительно к таким известным сюжетам, как антисемитизм на истфаке, который стал одной из причин радикализации взглядов и Людмилы Алексеевой, и членов группы Льва Краснопевцева (Немзер 2013), которой Герасимова также посвятила несколько страниц.

Обращают на себя внимание и другие странности в работе с источниками. Например, в сюжете с исключением студента Валерия Иванова автор пересказывает, что его на кафедре в качестве лаборанта оставил профессор, и полностью исключает из своего изложения в несколько раз более подробно описанную историю масштабного заговора друзей и коллег. Они добились его оправдания путем фальсификации психиатрического диагноза и вызова сотрудников психиатрической помощи (с. 134–135).

При внимательном чтении работа рождает множество других вопросов. Например: по какому принципу отбирались включенные в нее сюжеты, почему была проигнорирована хорошо известная чистка философского факультета в середине 1950-х годов, которая была результатом действия специальной комиссии ЦК КПСС (Герасимова о ней вспоминает под конец в двух предложениях)? Почему, рассказывая об арестованных по политическим мотивам студентах со ссылками на широко известную аннотацию их дел, находящихся в открытом для историков фонде прокуратуры СССР, Герасимова не заглянула в сами дела (за исключением двух)? Почему автор считает возможным и важным подробное изложение фрагмента творческой биографии французского певца Ива Монтана, однако не считает необходимым упоминать о последующих биографических траекториях своих героев из числа студентов и преподавателей МГУ, даже столь известных как Наталья Горбаневская, Сергей Ковалев, Ольга Кучкина, Кронид Любарский, Марк Масарский, Вадим Печенев, Вячеслав Письменный, Евгений Чехарин и другие? Почему не задается вопросом о том, насколько активность в студенческие годы повлияла на формирование и развитие этих личностей, хотя про деятельность многих из этих людей существуют более чем подробные работы (см., например: Горбаневская 2011; Ковалев 2010)?

А вот в рассказах о тех, чьи фамилии не столь известны, оставлено большое пространство для самостоятельной работы читателя – в тексте и научном аппарате книги о них нет никакой дополнительной информации. Между тем, когда число персонажей любой рассказанной автором монографии истории приближается к полутора десяткам (а Герасимова старательно перечисляет максимальное количество задействованных лиц), любая страница книги превращается в биографический ребус. При этом Герасимова сама не выдерживает избранной логики изложения, а ближе к концу книги начинает пытаться давать биографические пояснения к отдельным, избранным по непонятному принципу персонажам.

Особое удивление вызывает авторский стиль изложения, который во многих местах является буквальным воспроизведением советского канцелярита. Это заставляет подозревать вмешательство в текст кого-то из престарелых родственников автора или пожилого научного руководителя, набившего пятьдесят лет назад руку на написании моралистических передовиц в университетскую многотиражку, или же просто воспроизведение в тексте незакавыченных цитат из источников. Режут глаз, например, такие обороты: «Со студентами, уваливавшими от общественной работы, боролись с помощью сатиры в стенной печати» (с. 282); «студенты любили слушать и читать стихи известных советских и зарубежных авторов» (с. 295); «эти встречи запоминались молодежи надолго и заставляли задуматься над тем, что только в результате полной отдачи выбранной профессии можно добиться крупных успехов» (с. 425).

В других случаях авторскую позицию невозможно истолковать иначе как изложение взглядов советского прогрессивного бюрократа, заботящегося об эффективности советской системы и нужном уровне противодействия антисоветским взглядам (правда, позиция автора неожиданно меняется в заключительной главе):

Учившиеся в МГУ поляки и венгры после событий 1956 г. в своих странах порой не скрывали собственных настроений. Так, поляк В. Турский, сын ректора Варшавского университета, занял активную антисоветскую позицию, когда начались польские события, выступал в общезитии с лекциями, посвященными событиям в Польше (с. 122).

С. П. Павлов в «Правде» назвал смогистов «полутора десятками лоботрясов, объявивших себя “самым молодым обществом гениев”», а западная пресса уже поспешила отнести их в разряд нового порыва целого поколения. Но что оставалось делать первому секретарю ЦК ВЛКСМ, как не прилюдно унижать зарвавшуюся молодежь? (с. 178).

Но самой большой загадкой для меня является вопрос о том, где в этой работе место для интервью с теми более чем двумястами информантами из числа бывших студентов, которых благодарит Герасимова в начале своей книги. Автор постскрипума Даниил Андреев также уделяет особое внимание мастерству Герасимовой в проведении и обработке этих интервью, однако количество ссылок на них не велико. Как автору, много работающему с устными интервью, мне крайне странно, что на основе двухсот свидетельств Герасимовой удалось обнаружить не более двух ранее

не известных и уже описанных сюжетов. Любопытно, что при этом Герасимова полностью игнорирует и весьма обширные материалы проекта «Устная история», реализуемого отделом устной истории Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова, хотя это сотни «глубоких интервью» с представителями академической и университетской науки, большинство из которых учились в МГУ в 1950–1960-е годы.

Вместе с тем, если суммировать сведения, разбросанные Герасимовой по различным, как правило, не связанным между собой сюжетам, картины жизни студентов (и аспирантов) МГУ эпохи оттепели получаются впечатляющие и довольно сильно меняющие стереотипное восприятие этого периода жизни университета. Из текста хорошо видно (но это никак не формулируется автором), что в середине и во второй половине 1950-х годов, а затем вновь в 1965 году МГУ был центром оппозиционной политической активности в стране. В 1958–1959 годах КГБ арестовало порядка 50 студентов МГУ за различные формы протестной активности, включая участие в нескольких подпольных группах, множество эпизодов распространения листовок и написания альтернативных программ социального устройства. В МГУ второй половины 1950-х неоднократно проходили крупные коллективные акции студенческого протеста, охватывавшие более чем 500 участников (протестные голосования на собраниях, самодеятельные собрания с обсуждением «острых вопросов» политики и культуры, хорошо организованный бойкот столовой в общежитии на Стромынке), которые вновь повторились в 1965-м году и привели к появлению первых открытых протестных акций «демократической общественности» или диссидентов. В то же время (что никак подчеркивается автором, но видно из анализа биографий упомянутых Герасимовой лиц) МГУ 1950–1960-х годов был стартовой площадкой для как минимум трех поколений партийных и государственных чиновников. Многие из тех, кто делали карьеру на осуждении и предупреждении оппозиционной активности своих товарищей, в дальнейшем заняли серьезные политические посты как во времена застоя, так и во времена перестройки.

Подводя итоги, приходится констатировать, что несмотря на отдельные полезные аспекты работы (прежде всего суммирование ранее разбросанных по различным научным и околонаучным изданиям исследований) заявленная автором книги тема не раскрыта (за исключением приемлемой второй главы). Монография никак не вписана в существующий научный контекст. Возможности самостоятельно собранной источниковой базы (интервью) использованы слабо. Описание дискуссий и протестов в МГУ носит эклектичный характер. Анализ собранной информации в работе практически отсутствует и местами подменяется крайне наивными (см., например, с. 288–295) или попросту алогичными рассуждениями. Например, попытка сконструировать (без каких бы то ни было конкретных примеров) тезис о том, что дети «номенклатуры», учившиеся в МГУ, не интересовались политикой (с. 207) следует у Герасимовой сразу после описания эпизода, в котором как минимум двое подобных студентов были арестованы за распространение прокитайских листовок (с. 204). Книга вызывает серьезные вопросы о том, стремится ли автор к корректности и полноте представления информации при работе с источниками, а также о том, каковы его представления о научной объективности и академической этике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева, Людмила. 1984. *История инакомыслия в СССР*. Нью-Йорк: Хроника-пресс.
- Вайль, Петр и Александр Генис. 1988. *60-е: Мир советского человека*. Энн-Арбор, США: Ardis.
- Васильева, Зинаида. 2013. «1960-е и развитие массовой культуры: заметки о советском варианте модерности». *Ab Imperio* 1:159–174.
- Волчкевич, Илья. 2009. *Сословие вольных людей: книга о Бауманском и бауманцах*. Т. 2, *Признаки школы*. М.: Рубежи XXI.
- Глезер, Александр. 1994. *Человек с двойным дном*. М.: Московский рабочий.
- Горбаневская, Наталья. 2011. «Наталья Горбаневская: “Вот я дура была без страха”». Интервью Линор Горалик. *Open Space*, 8 декабря. Просмотрено 2 августа 2017 г. (<http://os.colta.ru/literature/events/details/32573/%22>).
- Зезина, Мария. 1999. *Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–1960-е годы*. М.: Диалог-МГУ.
- Зубкова, Елена. 1993. *Общество и реформы. 1945–1964*. М.: Издательский центр «Россия молодая».
- Каримов, Игорь. 2004. *История Московского КСП*. М.: Янус-К.
- Ковалев, Сергей. 2010. «Научная предыстория диссидентской биографии. Беседа с Сергеем Адамовичем Ковалевым. Часть 1». *Polit.ru*, 17 марта. Просмотрено 2 августа 2017 г. (<http://www.polit.ru/article/2010/03/17/kovalev>).
- Козлов, Владимир. 1999. *Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе*. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Козлов, Владимир и Сергей Мироненко, ред. 2005. *Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953–1982)*. М.: Материк.
- Костырченко, Геннадий. 2012. *Тайная политика Хрущева: власть, интеллигенция и еврейский вопрос*. М.: Международные отношения.
- Мазус, Израиль, сост. 2014. *Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926–1953 гг.). К истории молодежного сопротивления большевизму. Справочник*. М.: «Возвращение», Государственный музей ГУЛАГА.
- Митрохин, Николай. 1997. «Анархо-синдикализм и оттепель». *Община* 50:39–46.
- Митрохин, Николай. 2003. *Русская партия: движение русских националистов в СССР 1953–1985 гг.* М.: НЛО.
- Митрохин, Николай. 2015. «“Фронтвики” и “школьники” в послевоенных вузах». С. 216–234 в *Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.* М.: РОССПЭН.
- Немзер, Анна. 2013. «Лев Краснопецев. Нас не брали в 52-м, потому что было не до этого». Радио «Эхо Кавказа», 6 марта. Просмотрено 2 августа 2017 г. (<https://www.ekhokavkaza.com/content/article/24921178.html>).
- Письменный, Вячеслав. 2007. «Николаевский срок, а также до и после». *Троицкий вариант*, 21 августа. Просмотрено 2 августа 2017 г. (<http://trv.trovant.ru/arhiv/772/trv-772.pdf>).
- Рождественский, С. [Вениамин Иоффе]. 1982. «Материалы к истории самостоятельных политических объединений в СССР после 1945 года». С. 226–286 в *Память, исторический сборник*. Вып. 5. Париж: La Presse Libre.
- Рот-Ай, Кристин. 2004. «Кто на пьедестале, а кто в толпе? Стиляги и идея советской “молодежной культуры” в эпоху “оттепели”». *Неприкосновенный запас* 4(36). Просмотрено 2 августа 2017 г. (<http://magazines.russ.ru/nz/2004/4/ra4.html>).
- Силина, Лада. 2004. *Настроения советского студенчества*. М.: Русский мир.
- Сойфер, Валерий. 1993. *Власть и наука. История разгрома генетики в СССР*. М.: Лазурь.
- Сойфер, Валерий. 2002. «Академик – студент». *Континент* 3. Просмотрено 2 августа 2017 г. (<http://magazines.russ.ru/continent/2002/113/soi.html>).
- Эггелинг, Вольфрам. 1999. *Политика и культура при Хрущеве и Брежневе. 1953–1970*. М.: «АИ-РО-ХХ».

- Edele, Mark. 2002. "Strange Young Men in Stalin's Moscow: The Birth and Life of the *Stiliagi*, 1945–1953." *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 50(1):37–61.
- Fürst, Juliane. 2006a. "Friend in Private, Friends in Public: The Phenomenon of the *Kompaniia* among Soviet Youth in the 1950s and 1960s." Pp. 229–250 in *Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia*, edited by Lewis H. Siegelbaum. New York: Palgrave Macmillan.
- Fürst, Juliane. 2006b. "The Arrival of Spring? Changes and Continuities in Soviet Youth Culture and Policy between Stalin and Khrushchev." Pp. 135–153 in *The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era*, edited by Polly Jones. New York: Routledge.
- Fürst, Juliane. 2006c. "The Importance of Being Stylish: Youth, Culture and Identity in Late Stalinism." Pp. 209–230 in *Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention*, edited by Juliane Fürst. New York: Routledge.
- Fürst, Juliane. 2010. *Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism*. Oxford: Oxford University Press.
- Hornsby, Robert. 2013. *Protest, Reform and Repression in Khrushchev's Soviet Union*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jones, Polly. 2013. *Myth, Memory, Trauma: Rethinking the Stalinist Past in the Soviet Union, 1953–70*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Lipovetsky, Mark. 2013. "The Poetics of ITR Discourse: In the 1960s and Today." *Ab Imperio* 1:109–131.
- Roth-Ey, Kristin. 2004. "'Loose Girls' on the Loose?: Sex, Propaganda and the 1957 Youth Festival." Pp. 75–95 in *Women in the Khrushchev Era*, edited by Melanie Ilič, Susan E. Reid, and Lynne Attwood. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Roth-Ey, Kristin. 2011. *Moscow Prime Time: How the Soviet Union Built the Media Empire That Lost the Cultural Cold War*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Tromly, Benjamin. 2013. *Making the Soviet Intelligentsia: Universities and Intellectual Life under Stalin and Khrushchev*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tsipursky, Gleb. 2016. *Socialist Fun: Youth, Consumption, and State-Sponsored Popular Culture in the Soviet Union, 1945–1970*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
- Stephan, Anke. 2005. *Von der Küche auf den Roten Platz: Lebenswege sowjetischer Dissidentinnen*. Zurich: Pano Verlag.
- Zubok, Vladislav. 2009. *Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia*. Cambridge, MA: Harvard University Press.